

В информационной быть не может»

видимо, пойдем лет через пятьдесят. Но то, что это влияние есть, — несомненно. Например, раньше, когда существовало линейное письмо, мы выписывали каждую букву, думали, как складывать слова, а сейчас технологии Интернета, такие как копипастинг например, формируют другое восприятие текста и другое восприятие жизни — скорость, быстрота, фрагментарность вытесняют вдумчивость, целостность и глубину. И как это повлияет на нас, мы не знаем. Моя дипломница, к примеру, привыкла к тому, что, когда она пишет слова, авторкорректор дописывает их за нее. И однажды оставила брату записку: «Дай ки мя», а потом очень удивилась, когда ее любимый Барсик остался голоден, ведь брат не понял, что в записке была просьба дать киске мясо.

Однако некоторые психологи считают, что Интернет — то же, что и папирус, от которого мы когда-то перешли к бумажным носителям, а теперь к электронным. Здоровый мозг со временем приспособится.

— Мозг уже приспособляется: мне, например, иногда лень писать слово «спасибо» или «пожалуйста», и я в эсэмэсках пишу «спс» или «пжл». И это очень удобно. Но не отразится ли это на русском языке — не превратится ли он со временем в язык Элочки-людоедки?

— Язык некоторых людей может соответствовать языку Элочки-людоедки. Но Элочка была и тогда, когда не было Интернета. Этот типаж будет всегда. Другое дело, что мы можем общаться и как Элочка-людоедка, можем в шутку сказать «упс!» или «вау!» — главное, чтобы это не был единственный регистр, который исчерпывает весь наш речевой запас. К сожалению, сейчас мы теряем стилистическое богатство, которое нам досталось еще с античных времен, например, теряем высокий стиль, который ныне не очень востребован. В итоге получается не трехмерная система стилей по Ломоносову (высокий, средний и низкий), а двухмерная. То есть высокий стиль уходит в ментальный запас, но он не вытесняется совсем, как об этом пишут некоторые ученые, отнюдь, и если понадобится, то мы его «достаем» и вспомним. Когда мы праздновали 9 Мая, то вспомнили высокую лексику, и то, что она не так популярна, может, и хорошо — высокий стиль не должен становиться привычным, повседневным.

СМИ ДОЛЖНЫ ПОМОГАТЬ ФОРМИРОВАТЬ ИДЕНТИЧНОСТЬ

— Но вернемся к информационной войне. Как понять где правда, когда, как в случае обстрела Мариуполя, и ополченцы, и украинские силовики обвиняют друг друга в нарушении перемирия?

— У каждого есть своя идеология — взгляды, убеждения. У нас нет национальной истории — все события мы воспринимаем с определенных позиций, учитывая воспитание, культуру страны, ее традиции. И поэтому очень трудно убедить россиян в том, что наши СМИ дают лживую, неправдивую информацию, потому что мы живем в обществе, в котором и мы сами, и СМИ — часть нашего общества. Поэтому мы слушаем свои СМИ и формируем свою идентичность. А СМИ нам помогают в этом: дают аргументы, чтобы мы убедились в своей правоте или отстаивали свою точку зрения, подбрасывают общие идеи, которые нас могут объединить, и общие объяснения. То же самое происходит и в украинском обществе. Со стороны мы

видим, как у них работает пропаганда, а украинцы, живя в своем обществе и доверяя своим СМИ, считают, что это нам промыли мозги. И в принципе общей правды трудно добиться, потому что каждый — член своего общества. На этом, кстати, и построены информационные войны: массы в основном верят своим СМИ. Поэтому мы учим студентов медиаграмотности, говорим им: если вы хотите узнать правду, исследовать спорный случай, то посмотрите различные интерпретации, уберите все оценочные суждения, очистите текст от авторского субъективизма, оценок, ярлыков, эмоций, и тогда можно найти рациональное зерно: был ли, к примеру, обстрел Мариуполя или не был, кто это сделал.

Плюс народная правда: когда в обход всяких СМИ молва несет информа-

цию — кто-то что-то видел, узнал информацию от своего соседа, что-то произошло с его родственником, близким другом и т. д. — правда всегда пробивается...

— Вы правы: так я от одной жительницы полтавской деревни, с которой познакомилась в поезде, узнала то, что не сообщали СМИ. Например, что защитникам май-дана давали наркотики: один ее сосед вернулся оттуда в деревню и умер, а второй сошел с ума... И все-таки хотелось бы спросить: кто может выиграть в информационной войне, есть ли в ней победители?

— Смотря кто и за что борется. Если мы боремся за умонастроения нашего общества, то тут мы выиграли: наше общество сплотилось вокруг наших идей, высокая поддержка президента и внешней политики — национальные СМИ здесь свою роль выполнили. Это была качественная журналистика, взвешенная, аргументированная, с доказательствами и документальными съемками, стилистически выверенный язык. СМИ всегда будут выполнять социальную роль и работать на благо общества. И это делают любые СМИ — никто не работает на какое-то абстрактное благо.

Кстати, и украинские СМИ выполнили свою задачу: зарядили русофобскими идеями и идеями отрицания советского прошлого умы украинцев. То есть каждое национальное СМИ свою задачу выполняет. Другое дело, что у каждого государства свои интересы, которые отстаиваются и дипломатическим путем, и в том числе через средства массовой информации.

— Сегодня ты можешь посещать те сайты, которые хочешь, читать посты любимых блогеров и совершенно не замечать, что твоим сознанием можно манипулировать...

— Думаю, специально такой цели — манипулировать сознанием людей — журналисты не ставят. Задачи у них другие: каждое национальное СМИ отстаивает свою идеологию и консолидирует общество на базе этой идеологии. Поэтому картина мира, которую, скажем, рисуют американские СМИ, будет противоречить той картине мира, которую рисуют российские СМИ.

И СНОВА О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

— Сознание формируем, а национальную идею сформулировать не можем!

— У нас когда-то уже была сформулирована национальная идея — сбережение народа. А сейчас, мне кажется, национальной идеей стало построение Русского мира, национального государства со своими традиционными ценностями, встроенного в общую европейскую семью.

— И как следствие, о котором говорили и президент Владимир Путин, и ученые-филологи, — это продвижение по всему миру русского языка...

— Русский язык и был одним из самых распространенных языков межнационального общения, и, думаю, он никуда не исчезнет, всегда будет интересен, как и русская классика. Мы же до сих пор читаем античные тексты Древнего мира! Кстати, мой сын, недавно путешествовавший по Ирану, рассказывал, как в глухой иранской провинции у древней мечети увидел парня, торгующего сувенирами, который пытался с ним говорить по-русски. Оказывается, юноша читал Достоевского, после чего решил изучать русский язык. И таких случаев по всему миру очень много. Так что русская культура, русский язык — всемирное достояние, та ценность, которая не сможет просто исчезнуть.

— А ПИШУТ, ВАШЕ
ВЕЛИЧЕСТВО, ЧТО...
"КОРОЛЬ-ТО
ГОЛЫЙ!"

